

Гермиона шла рядом с Гарри, когда они пробирались из «Выручай-комнаты» к движущимся лестницам, ведущим на нижние этажи. Котоне устроилась на левом боку Гарри, положив щеку на его плечо. Когда Гермиона оглянулась, она увидела, что глаза маленькой девочки закрыты. Она взглянула на лицо Гарри и увидела, что на нем была мрачная решимость. Они достигли пролета и стояли, ожидая, пока лестница встанет на место.

— Зачем ты сюда вернулся? — тихо спросила Гермиона: — Я пошла посмотреть, почему ты так долго не возвращаешься к завтраку, но обнаружила, что она осталась в доме совсем одна.

Выражение лица Гарри не изменилось, когда он мельком взглянул на Гермиону, а затем снова повернулся к лестнице и холодно ответил:

— Сразу после того, как Рон и Полумна нас покинули, Котоне вышла из своей комнаты и упала в обморок. Я поднял ее и доставил сюда, чтобы показать мадам Помфри.

Лестница встала на место, и они сошли с пролета. Гермиона обеспокоенно нахмурилась и спросила:

— Упала в обморок? Что случилось? Что с ней?

Гермиона заметила краткую вспышку гнева на его лице, но не сразу поняла, на кого он был направлен. Гарри глубоко вздохнул, прежде чем ответить:

— Она была истощена от голода, Гермиона. Мадам Помфри сказала, что Котоне ничего не ела больше недели, хотя и сообщила, что как-то раз «что-то» съела в подвале на площади Гриммаулд-Плейс. Учитывая этот факт и то количество энергии, которое она потратила, чтобы помочь нам всем...

Гарри замолчал, заметив, что Гермиона остановилась в нескольких шагах позади него. Он оглянулся через плечо и увидел, что она стоит с испуганным и немного виноватым выражением лица.

— Но... но... Я видела, как она гонялась по дому за... ну, за крысами... Каждый раз, когда я ее встречала в коридорах, она затаивалась, и я считала, что она охотится! Она не принимала ничего из приготовленной нами пищи, и я решила, что она может себя прокормить! Я и понятия не имела... Она мне никогда ничего не говорила!

Гарри посмотрел в лицо спящей у него на плече ведьмочки и сказал:

— Я не виню тебя. Сначала я вышел из строя, затем Полумна возилась с Роном; а ты не знала, что она слишком слаба, чтобы охотиться. Я не знаю, почему она ничего тебе не сказала. Может быть, она постеснялась.

Гермиона поспешила вниз по лестнице, пытаясь догнать Гарри:

— Мне так жаль, Гарри! Я должна была знать! В последнее время она вела себя странно, и мне казалось, что она выглядит похудевшей; но я была так занята, я изо всех сил старалась найти способ помочь тебе...

— Забудь об этом. Это частично и моя вина. Я понял, что должен был слушать тебя. Если бы я не сказал Малфою достать медальон, если бы мы заранее составили какой-нибудь план, ничего бы этого не случилось.

Они зашли на лестницу, ведущую на четвертый этаж, и Гарри сказал:

— Как ты узнала, что мы здесь? У меня не было времени оставить тебе записку или что-нибудь еще.

— Я изучила каминный журнал. Полумна отправилась в свой дом в Оттери-Сент-Кэтчпоул, а Рон через минуту последовал за ней. Наверное, он хотел пойти за покупками после их визита к отцу Полумны. А через несколько минут ты отправился в свою комнату в Хогвартсе. Я задавалась вопросом, почему ты ушел, но после того, как я увидела, что Котоне тоже нет... Я не знала, что и думать.

Гарри тихонько усмехнулся, а затем сказал:

— Вот как, и ты решила последовать за мной?

— Ну, я немного подождала, прежде чем попытаться дозваться тебя через камин, но вас не было ни в гостиной, ни в кабинете. Я подумала, что, раз уж вы где-то в замке, я тоже могу отправиться туда, чтобы посетить библиотеку. Я хотела кое-что исследовать, а библиотека на площади Гриммаулд-Плейс не такая уж и обширная.

Гарри улыбнулся и покачал головой:

— Ну конечно, ты должна была пойти в библиотеку...

— Я как раз выходила из твоего кабинета, когда увидела поднимающихся по лестнице Амбридж и двух ее головорезов. Я подумала, что если она в замке, то, скорее всего, ничего хорошего ждать не приходится. Я использовала дизиллюминационные чары и последовала за ними, конечно же, на расстоянии. Когда я увидела их стоящими перед «Выручай-комнатой», я поняла, что они ждали тебя. Ну, остальное ты знаешь.

Гарри кивнул, когда они сошли с лестницы на пролет третьего этажа и пошли по коридору, ведущему в Больничное крыло. Они увидели МакГонагалл и мадам Помфри, стоявших у входа в лазарет.

Когда они подошли поближе, МакГонагалл поманила их в маленькую комнату, расположенную рядом с двойными дверями, ведущими в лазарет. МакГонагалл посмотрела на Котоне, спящую на руках у Гарри, и не смогла сдержать легкую, несвойственную ей улыбку, прежде чем вернулось ее обычное суровое выражение лица:

— Я так понимаю, что ваша дочь была должным образом накормлена? — Гарри смущенно кивнул, и она сказала: — Хорошо; я надеюсь, что вы достаточно благоразумны, чтобы не рубить с плеча и отказываться от нее.

Мадам Помфри протянула руку, осторожно потрогала сломанную правую кисть Гарри и сказала:

— Мистер Поттер, а когда вы собирались пройти осмотр?

Не говоря ни слова, мадам Помфри достала свою палочку и провела ею по тыльной стороне руки Гарри. Несколько мгновений спустя легкое голубое сияние охватило его руку, а затем сломанные кости вновь соединились. Он оценивающе согнул пальцы и сказал:

— Спасибо, а то мне стало немного неудобно.

У мадам Помфри сказала с серьезным выражением лица:

— Мы перевели мисс Уизли из моего кабинета в эту комнату, чтобы вы могли встретиться с ней. Мы решили, что так будет лучше, чем вы все втроем пойдете через палату, хотя мы и перевели пациента, вызвавшего мадам Амбридж.

Гарри вспомнил, как МакГонагалл рассказывала ему о том, что работник Министерства увидел его и известил об этом Долорес Амбридж. Он посмотрел на директрису и спросил:

— Вы перевели его? Почему?

МакГонагалл нахмурилась, но ответила:

— Когда я увидела, что Амбридж наложила так много проклятий Imperius, я попросила Поппи потихоньку осмотреть этого человека. Похоже, что он был под воздействием этого проклятия, поэтому мы изолировали его до тех пор, пока можно будет связаться с заслуживающими доверия властями. Без неоспоримых доказательств или без официального разрешения мы не можем проверять кого-либо, не находится ли тот под воздействием проклятия? Это будет расценено как вторжение в частную жизнь, и мы не можем быть уверены, что кто-нибудь еще не попытается предупредить Министерство о вашем присутствии.

— Госпожа директор, — осторожно начала Гермиона, — как вы думаете, она могла иметь какое-то отношение к решению Попечительского совета запретить Гарри возвращаться в

Хогвартс в этом году?

МакГонагалл какое-то время задумчиво смотрела на нее, а затем сменила тему:

— Извините, но мы зря теряем время. Надеюсь, вы не против, что мы с мадам Помфри будем присутствовать при вашей встрече. Мы считаем, что в данной ситуации это будет самый лучший вариант.

Гарри и Гермиона согласились, и их провели в маленькую комнату, где Джиневра Уизли отдыхала на своей больничной койке у дальней стены.

Первое, что заметил Гарри — это повязки на руках Джинни. Еще он заметил выпуклость под простынями, из-за которой казалось, что она в подгузнике, но Гарри быстро отбросил эту нелепую мысль.

Когда Джинни увидела, что Гарри вошел в комнату, она лучезарно ему улыбнулась, пытаясь сесть прямо на своей кровати. Она открыла рот, чтобы поприветствовать его, но застыла на месте, и улыбка сошла с ее губ, когда она увидела Гермиону, зашедшую в комнату следом за ним. Она быстро взяла себя в руки и сказала бодрым тоном:

— Гарри! Как мило с твоей стороны меня навестить! Я боялась, что ты вообще больше не придешь ко мне... О, привет, Гермиона, тебя я тоже рада видеть.

Гарри заметил, что у нее хриплый голос; хотя она и делала усилия, чтобы он казался непринужденным, ей приходилось по несколько раз откашливаться.

— Привет, Джинни, — сказал Гарри тихим ровным голосом. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем в тот день, когда я первый раз здесь проснулась, — нервно сказала Джинни. — Они говорят, что я в ближайшее время смогу вернуться домой.

— Послушай, Джинни, — начал Гарри, — мы знаем об эликсире. Мы выяснили, что Пэнси Паркинсон уговорила Пенни Пиндер дать тебе ту самую страницу, которая была вырвана из книги. Сейчас ты уже должна была понять, что это было не приворотное зелье, а ритуал для сохранения родословной.

— Нет! — громко и решительно заявила Джинни. — Я не использовала приворотное зелье, чтобы привлечь тебя! Как ты вообще мог такое подумать! Я не знаю, с кем ты там разговаривал, но они лгут! Это то, что ты на самом деле ко мне испытываешь! Я знаю, что ты меня любишь, зачем мне приворотное зелье?

— Джинни, это не приворотное зелье! — решительно сказал Гарри. — Ну как ты не понимаешь? Да, это заклинание, которое ты на нас наложила, заставило меня полюбить тебя,

но это такая же любовь, как и к члену семьи... Как к матери!

— Это не может быть правдой! — воскликнула Джинни, все больше и больше выходя из себя. — Вспомни, сколько раз мы целовались! Ты не можешь сказать мне, что ты ничего не чувствовал! Я видела это в твоих глазах! Ты не мог выпустить меня из рук!

— Да, пускай будет так, я что-то чувствовал, хорошо! — сердито ответил ей Гарри. — И, насколько я помню, это ты «не могла выпустить меня из рук»...

Он посмотрел туда, где стояли МакГонагалл и Помфри, наблюдавшие за развитием событий. Затем он мельком взглянул на Гермиону, во взгляде которой читалась смесь злости и тоски.

Гарри почувствовал, как Котоне проснулась и зашевелилась в его руках. Маленькая ведьма быстро огляделась вокруг; затем, увидев, кто еще находится в комнате, она ослабила хватку Гарри и соскользнула с его рук на пол, а затем тихонько встала рядом с Гермионой. Гарри вновь обратил все свое внимание на Джинни.

— Да, мы целовались, но это вряд ли можно считать настоящими поцелуями. Ты помнишь тот раз в пустом классе возле башни? Когда я встретил там тебя за несколько дней до... Перед тем, как умер Дамблдор?

Казалось, что Джинни не обращала никакого внимания на сердитый тон Гарри и на то, к чему он клонит, и мечтательно улыбнулась. Она встретила глазами с Гермионой и со вздохом сказала:

— О, да... Я помню этот день! Ты был таким милым и застенчивым! Тогда я точно поняла, что мы будем вместе навсегда!

— Ты помнишь, как ты все время засовывала мои руки себе под рубашку? Как ты направляла их вверх?

Гарри увидел, как глаза Джинни начали закрываться, и заметил, что по ее телу прошла легкая дрожь. Ее забинтованные руки, лежавшие на простыне, начали медленно опускаться вниз, и она сказала мягким гортанным голосом:

— О, да... я помню, что... Ты был таким благородным и застенчивым! Я знаю, почему ты ушел. О, у тебя с лица трижды сошел румянец... Я уверена, что ты убежал в общую спальню и...

— И меня вырвало, — закончил за нее Гарри, глядя на ее лицо, которое побледнело от шока. Он дал ей время, чтобы осознать это, а затем продолжил: — Мне казалось, что я лапал свою маму! От всего этого меня просто тошнило! Тогда я думал, что это были нервы, но теперь я точно знаю, что это было... Этот все твой проклятый эликсир!

— Нет, — горячо прошептала Джинни. — Ты любишь меня! Ты любишь меня, Гарри... Так же, как и я люблю тебя! Я знала это всю свою жизнь... С той минуты, когда я увидела тебя, с того момента, как я узнала о твоем существовании — я поняла, что мы созданы друг для друга! Подумай об этом... Это же очевидно... Твой отец! Он влюбился в красивую ведьму, похожую на меня! Он женился на ведьме с рыжими волосами, как у меня! Все говорят, что ты вылитый Джеймс, а Грюм сказал мне, что я так похожа на Лили... Так сильно... — Джинни нахмурилась.

— ...Так похожа на его мать? — сердито выпалила Гермиона, глядя на жалкую девчонку, лежащую на кровати.

— Нет! — злобно закричала Джинни: — Я не его мать! Я совсем на нее не похожа! — она ахнула, поняв, что она только что сказала. Слезы текли из ее глаз, когда она в отчаянии повернулась к Гарри и с безумным взглядом воскликнула: — Я имею в виду, я такая же, как она, но не похожа на нее... Разве вы не понимаете? «Джеймс и Лили»... «Гарри и Джинни»! Мы просто созданы друг для друга!!!

Гарри начал чувствовать себя крайне неудобно. Джинни продолжала говорить своим хриловатым отстраненным голосом, и ее слезящиеся глаза уже не смотрели на него, а смотрели куда-то вдаль:

— Мы такие же, как они! Мы будем счастливы! У нас будут дети... Много детей! Мы научим их летать, научим играть в квиддич! Мы будем жить в большом доме, а у каждого из детей будет своя комната... Билл с Флёр, и Рон с Гермионой будут приводить своих детей поиграть с нашими. Мы будем устраивать пикники и ходить на пляж. Мы будем закатывать грандиозные званые обеды, и все, все будут умолять, чтобы мы их пригласили.

Гермиона в ужасе смотрела на Джинни, не веря всей той чепухе, которую та несла. Она очнулась только тогда, когда почувствовала, что кто-то дернул ее за рукав. Она посмотрела вниз и увидела, что Котоне жестом просит её наклониться. Когда она сделала это, маленькая ведьма настойчиво ей прошептала:

— Посмотри на ее душу, Орлица, и скажи мне, что ты видишь.

Гермиона осторожно достала палочку и отвернулась от остальных людей, находящихся в комнате. Она приложила кончик палочки ко лбу и закрыла глаза и сразу увидела призрачный символ Инь-Ян. Она почувствовала вокруг себя странное ощущение замедления времени, но постаралась не отрываться от тела, чтобы иметь возможность двигаться. Комната наполнилась странным белым туманом, который появлялся только в те моменты, когда она погружалась в необходимое «состояние». Она медленно повернулась к остальным людям, которые были в комнате. Она заметила знакомый образ души Гарри в форме льва, и увидела, что душа МакГонагалл была в форме довольно крупного бизона, и он совершенно отличался от ее анимагической формы кошки. Ее удивил серый волк, который был душой мадам Помфри, и она задумалась — а всегда ли душа человека имеет форму животного?

Гермиона взглянула на Джинни. Если бы она не находилась в этом «состоянии», все в комнате

услышали бы, как она разразилась бы самой грубой бранью. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что душа Джинни напоминала абиссинского шакала, но ее разозлило совсем не это. Вокруг шакала была обвита призрачная змея, черная как смоль, с глазами, похожими на горящие угли. Она была как две капли воды похожа на фрагмент души из хоркрукса — медальона, который проник в тело в Гарри всего несколько дней назад. И этот кусочек души был уже глубоко укоренен в шакале, как фрагмент души из хоркрукса — во лве Гарри.

Это поразило Гермиону. Наверное, когда Гарри уничтожил дневник в Тайной комнате, фрагмент души Волдеморта уже проник в тело Джинни. Волдеморт тогда не смог воскреснуть, потому что процесс был не завершен, но кусочек его души все же покинул дневник и поселился в своем новом пристанище... в теле Джинни.

Вдобавок ко всему Гермиона заметила алые, похожие на паутину нити, опутывающие тело Джинни. Она повернулась к Котоне и спросила:

«Вон те красные нити, которые опутаны вокруг нее... Ты знаешь, что это такое?»

Гермиона внезапно поняла, что эти слова она не произносила вслух.

Несмотря на то, что «связь» между ними не была установлена, Котоне так же мысленно ответила Гермионе:

«Джаккару окружают Фаги... Побочный эффект ритуала... Я уже сняла более десяти слоев, у меня больше не было сил. Я думаю, что каждый новый слой появлялся всякий раз, когда Джаккару выполняла ритуал».

«Я... я не помню, чтобы в твоих книгах было описано нечто подобное. Я могу это исправить?»

«Нет, — грустно ответила Котоне, — и я, наверное, тоже не могу. Джаккару должна освободиться от Фага, его нельзя снять силой».

Гермиона вышла из своего «состояния» как раз вовремя, чтобы услышать, как Гарри говорит Джинни:

— Ты должна понять, что это не сработало. Это бы никогда не сработало! Ритуал предназначен не для создания романтической любви, а для ее разрушения! Тебе нужно положить этому конец! Сними заклинание. Ты единственная, кто может это сделать!

— НЕТ! — закричала Джинни, а затем жалобно всхлипнула и хлопнула забинтованными руками по матрасу кровати: — Мне все равно! Тебе суждено быть со мной, и если ты этого не понимаешь, то все равно будет так! Если ты не можешь любить меня, значит, ты не можешь любить и ее! Если я не могу быть с тобой, а Рон с... ней... То пускай все так и остается!!!

Глаза Гарри вспыхнули, и он закричал:

— Так, значит, если ты не можешь меня заполучить, то я не достанусь никому? Так?

— ДА! — закричала Джинни и вновь с силой ударила по матрасу забинтованными руками, на которых уже виднелись пятна крови в тех местах, где на ее ладонях были открытые раны.

Гарри собирался возразить, но почувствовал, как кто-то в знак утешения положил руку ему на плечо. Он повернул голову и увидел, что Гермиона смотрит ему в глаза с сочувствующей улыбкой.

— Гарри, не будь с ней слишком суров. Она немного не в себе... уже какое-то время.

Гарри недоверчиво посмотрел на нее:

— Что это значит?

Гермиона не ответила ему и подошла к МакГонагалл и Помфри. Она начала говорить с ними тихим шепотом, чтобы остальные люди, находящиеся в комнате, не могли их услышать. Гарри увидел, как обе старшие ведьмы вздрогнули, когда Гермиона в какой-то момент упомянула имя Волдеморта. Он еще больше удивился, когда МакГонагалл взяла мадам Помфри за руку и повела ее к двери, несмотря на явное недовольство, написанное у той на лице.

Когда две взрослые ведьмы вышли из комнаты, Гермиона подошла к Гарри с сильно встревоженным выражением лица. Она взглянула на Джинни — в ее залитых слезами глазах пылала ненависть — и прошептала Гарри:

— Похоже, что когда ты на втором курсе уничтожил дневник Тома Риддла, ты уничтожил его не до конца. Остался фрагмент души, который был в нем спрятан. Он уже прикрепился к ее душе. Так же, как и тот фрагмент, который прикрепился к твоей душе, когда ты был младенцем. Вот поэтому хоркрукс из дневника не пытался овладеть тобой, когда ты к нему прикоснулся — он уже прикрепился к душе Джинни. Я уверена, что этот фрагмент не до конца управляет ее поведением, но сильно влияет на нее. Он заставляет ее делать то, чего она никогда бы не сделала по собственной воле.

— Ты можешь что-нибудь с этим сделать? — с тревогой спросил Гарри. — Я имею в виду то, что ты смогла помочь мне, можешь ли ты теперь помочь ей?

Гермиона вздрогнула, когда вспомнила о том, что она сделала с фрагментом души из медальона. Она знала, что если она просто освободит фрагмент души Волдеморта из тела Джинни, как она сделала это для Хлои и Джеффри, то последствия могут быть самые непредсказуемые. Он, скорее всего, попытается воссоединиться с другим фрагментом, может, даже с тем, который все еще находится в теле Гарри. Она ни за что не может это допустить. Ей

придется изгнать фрагмент его души из Джинни, изгнать его из этого мира, как она это уже сделала раньше.

Подумав об этом, она смирилась с тем, что ей нужно сделать. Она посмотрела в глаза Гарри и быстро прошептала:

— Да... Я могу сделать для нее то же, что сделала для тебя, но... — она замолчала и поморщилась. — Но я бы предпочла, чтобы ты не видел, что я собираюсь сделать. Я имею в виду то, что я, конечно, не буду заставлять тебя уходить. Ты можешь остаться, если хочешь. В конце концов у тебя есть право знать, что произойдет с этим фрагментом его души, но это может быть немного жутковатым... да что там, это ужас!

Гарри прервал ее и положил руку ей на плечо, а затем сказал:

— Гермиона, расслабься. Что бы ни случилось, я уверен, что справлюсь.

«Да, но смогу ли я справиться с собой, зная, на что я способна?» — угрюмо подумала она про себя.

Гермиона грустно кивнула Гарри. Быстрым плавным движением она выхватила свою палочку, направила ее на Джинни и выкрикнула:

— Petrificus Totalus!

Они услышали, как Джинни буквально зашипела от боли, и ноги молодой ведьмы соединились вместе, а руки упали вдоль тела.

Гермиона мельком подумала, что же вызвало у Джинни такую боль, но обнаружила, что ей все равно. Она подошла к кровати Джинни и села на пол рядом с ней. Гермиона приложила кончик своей палочки ко лбу и вошла в необходимое для ритуала «состояние».

Когда Гермиона приступила к делу, Котоне потянула Гарри за руку, чтобы привлечь к себе его внимание. Он посмотрел на нее и потянулся вниз, думая, что она снова хочет, чтобы он взял ее на руки, но она покачала головой и вытащила из-под ночной рубашки свою палочку. Она протянула ее Гарри и сказала:

— Найди свой символ. С каждым разом тебе будет все легче и легче.

Гарри взял у Котоне палочку, и вопросительно взглянул на нее. Она просто кивнула, и на накрашенных губах ее маски появилась легкая улыбка. Пожав плечами, Гарри прикоснулся кончиком палочки ко лбу и, к своему большому удивлению, почти сразу увидел разноцветную септаграмму. Он почувствовал вокруг себя то странное ощущение замедления времени, которое он всегда ассоциировал со «связью» с Котоне.

Он услышал тихий голос Котоне:

— Открой свои глаза, брат Лев...

Он открыл глаза и был поражен, обнаружив, что комната вся залита белым туманом. Он мог видеть Гермину и Джинни, призрачные образы их душ — большого бело-золотого орла, сидящего рядом с длинноногим шакалом. А еще Гарри заметил черную призрачную змею, извивающуюся и набрасывающуюся на Гермину с кровати.

Гарри стоял совершенно ошеломленный, наблюдая за происходящим перед ним. Он слышал мелодичное пение Гермину, и звон церковного колокола, когда каждая руна, начерченная кровью, сгорала в каплю пламени. Он увидел змею, отделившуюся от души Джинни и парящую над ее телом.

То, что произошло потом, повергло Гарри в шок. Когда последняя руна сгорела, в воздухе открылась светящаяся красная трещина. Гарри видел, как из нее исходит тошнотворный желтый дым. Он видел в воздухе какую-то рябь, словно из разлома исходил невероятно сильный жар. Внезапно парящая змея была втянута в трещину, словно чьей-то невидимой рукой, и она закрылась сразу же после того, как змея исчезла внутри.

Колокольный звон в последний раз эхом разнесся по комнате, и Гарри увидел, как Гермину уронила палочку и у нее начались судороги.

Гарри заставил себя сдвинуться с места, наблюдая, как септаграмма, туман и все призрачные души потихоньку исчезают. Мгновение спустя он уже стоял на коленях рядом с Гермину, гладил ее по спине и пытался утешить. В воздухе витал тяжелый запах серы и гари, и Гермину изо всех сил пыталась сдержать тошноту.

Через минуту Гарри помог Гермине подняться на ноги и наблюдал, как она вытирает слезы. Как только он убедился, что она твердо стоит на ногах, он спросил:

— Гермину, что только что произошло? Куда делся этот фрагмент его души?

Гермину, не отрывая взгляда от пола, ответила:

— Я изгнала его, как и фрагмент души из медальона... — она замолчала, сделала глубокий вдох, а затем неуверенно продолжила: — Я изгнала его в Ад... Или в Абаддон, Бездну, Тартар, Нарак, называй как хочешь... Его больше нет.

Гермину горько всхлипнула и уткнулась лицом в плечо Гарри, крепко обнимая его.

— Кем я становлюсь? — отчаянно прошептала она ему в шею. — Это так ужасно! Каждый раз, когда я делаю это, я чувствую, как туда же уходит и частичка моей собственной души!

Одной рукой Гарри держал ее за спину, а другой зарылся в волосы Гермионы и нежно гладил ее шею. Он не знал, что ей сказать. Он действительно не знал, что он сам сейчас чувствует по поводу того, что произошло. Было несложно утешить ее, когда она сказала ему, что она Некромант. Теперь, когда он воочию увидел, что за собой влечет уничтожение хоркрукса... что она должна была с ним сделать, чтобы навсегда предотвратить его «возвращение». Тем не менее, он сейчас должен был ее утешить.

Пока Гарри молчал и думал, что же ей сказать, Гермиона приготовилась услышать самое худшее. Она отстранилась от него, посмотрела ему в глаза, и сказала отчаянным шепотом:

— Пожалуйста, Гарри... Ты же не будешь меня ненавидеть... Это и так очень сложно... Я просто не выдержу это, если ты не примешь меня такой, какая я есть...

Гарри снова заключил ее в свои успокаивающие объятия и мягко сказал:

— Я никогда не буду тебя ненавидеть, чем бы ты ни занималась... Для меня ты все та же Гермиона, которой ты была всегда, и ничто не может этого изменить.

Гарри почувствовал, что в его объятиях она слегка успокоилась. Через несколько мгновений она решительно отстранилась. Она отошла от него, но взяла его руку в свою. Гермиона слабо улыбнулась Гарри, а затем повернулась, чтобы взглянуть на Джинни, лежавшую на кровати. Гермиона протянула руку и подняла с пола свою палочку, затем сняла с Джинни заклинание. В тот момент, когда заклинание было снято, раздался громкий пронзительный вопль, и мадам Помфри и МакГонагалл сразу ворвались в комнату.

— МАМ! МАМА! — кричала Джинни, уворачиваясь от всех, кто пытался к ней подойти. Она зажмурила глаза и продолжала громко звать свою мать.

— Поппи, постарайся ее успокоить, — кинулась к двери МакГонагалл, — а я пойду, позову Артура и Молли.

Мадам Помфри сурово взглянула на Гарри, Гермиону и Котоне и строго заявила им, что она ждет полного отчета о том, что здесь произошло. Поппи махнула над Джинни палочкой, и она почти сразу впала в бессознательное состояние. После того, как было наложено несколько диагностических заклинаний, она повернулась к Гермионе и строго спросила:

— Что с ней случилось на этот раз?

— Я... я не могу точно сказать, — неуверенно пролепетала Гермиона. — То, что я сделала, не должно было причинить ей никакого вреда! Я просто... Я...

— На Джинни воздействовала какая-то «магия», которой она подверглась еще в Тайной комнате, — сказал Гарри, пытаясь защитить Гермиону, — она смогла найти способ помочь

Джинни.

Мадам Помфри скептически взглянула на Гарри и Гермиону и сказала:

— А какова природа этой «магии»? Я не смогла диагностировать ничего, кроме магии того ритуала, который она выполняла.

Гарри и Гермиона быстро переглянулись и убедились, что каждый из них понимает, что нельзя рассказывать мадам Помфри, что именно было сделано. Но они были спасены от необходимости немедленно отвечать, когда в комнату влетела Молли Уизли в сопровождении Артура Уизли и МакГонагалл. Гарри взял Котона на руки, и вместе с Гермионой они отошли от кровати, чтобы дать взрослым подойти ближе.

Мадам Помфри сняла заклинание, наложенное на Джинни, когда Молли и Артур подошли к дочери. Наконец глаза Джинни сфокусировались, она увидела свою мать и сразу же начала громко плакать, протягивая к ней руки. Конечно же, Молли кинулась к дочери, но Артур с настороженным выражением лица медленно пошел к ее постели.

— Мам, пап! — она плакала, изо всех сил обнимая мать своими забинтованными руками.
— Мне так жаль!

Услышав извинения дочери, Молли смущенно нахмурилась, а Артур виновато взглянул на Гарри и Гермиону, зная, что его дочь с ними сделала.

Джинни едва сдерживала рыдания, когда она оторвала лицо от груди матери и посмотрела на Гарри и Гермиону, как будто она только что их заметила.

— Гарри! — воскликнула Джинни и разрыдалась еще сильнее. — О боже мой, Гарри! Мне так жаль!

И снова Гарри и Гермиона переглянулись, но на этот раз их лица были встревожены. Гермиона кивнула ему в сторону Джинни.

Гарри медленно подошел к ее кровати и остановился рядом с Молли, сидящей на матрасе. Он видел, что Джинни пыталась сдерживать слезы, но ей это явно не удавалось. Джинни протянула к Гарри свою перевязанную руку и неуверенно сказала:

— Гарри, ты должен мне поверить! Я... Я не знаю, зачем я это сделала! Просто мне казалось... что мне обязательно нужно было это сделать! Прости меня, пожалуйста!

Гарри вздохнул и рассеянно провел рукой по волосам. Он осторожно взял ее руку в свою и опустил рядом с ней на колени.

— Джинни, я не собираюсь тебе сейчас говорить, что все в порядке, но не переживай; можешь мне не верить, но мы понимаем, почему ты это сделала. Если ты действительно сожалеешь, ты же снимешь заклятие, которое ты на нас наложила?

— Я бы хотела, но... — сказала Джинни, с надеждой глядя на Гермиону, — но я не знаю как.

Гарри повернулся, чтобы взглянуть на Гермиону, но она выглядела такой же растерянной, как и Джинни, и наконец сказала:

— Я нигде не нашла в этой книге, как снять заклинание. Я думала, что Джинни знает.

— Ты должна принять их, — раздался спокойный голос рядом с Гермионой. Все в комнате посмотрели на Котоне, а она стояла и смотрела прямо на Джинни. — Ты должна благословить их союз. Принять их отношения.

Джинни помедлила всего секунду, прежде чем ответить:

— Да, конечно! — Джинни откашлялась и вздохнула. Она бросила последний страстный взгляд на Гарри, а потом отвернулась и сказала: — Я, Джинерва Уизли, благословляю Гарри Поттера и Гермиону Грейнджер.

Джинни уткнулась лицом в грудь матери, время от времени тихонько всхлипывая.

Гарри и Гермиона переглянулись в третий раз и озабоченно нахмурились.

— Это сработало? — одновременно спросили они друг у друга. Ни один из них не «почувствовал», что что-то произошло.

— Нет, — сказала Котоне, все еще глядя прямо на Джинни, — благословение должно быть дано вместе с поцелуем.

Гарри нервно переступил с ноги на ногу и спросил:

— Я... Я должен поцеловать Гермиону?

— Нет, — ответила Котоне, — она должна, — Котоне указала на Джинни и сказала: — Шакалиха должна дать благословение и пригласить Орлицу в семью.

— В этом есть смысл, — сказала МакГонагалл, — ритуал сохранения родословной мог быть отменен только в том случае, если союз возлюбленных будет принят семьей. Вот почему в книге сказано, что только родитель может разрушить наложенные чары, и что «истинно»

чистокровные родители никогда бы не сделали этого по собственной воле.

Ни слова не говоря, ужасно смущенная Джинни медленно поднялась с кровати и неуверенно пошла к Гермионе через всю маленькую комнату. Теперь всем было очевидно, что на Джинни действительно надет огромный подгузник.

Джинни бросила последний извиняющийся взгляд на Гарри, а затем посмотрела прямо в глаза Гермионе и сказала:

— Я, Джинерва Уизли, приветствую Гермиону Грейнджер в моей семье.

Джинни встала на цыпочки и быстро поцеловала Гермиону. Когда она отстранилась, все в комнате ахнули, когда увидели густую черную массу, похожую на жидкий дым, выходящий изо рта Гермионы в рот Джинни.

Глаза Гермионы расширились от страха; она стояла неподвижно, словно парализованная. Когда дым перестал исходить изо рта Гермионы, она тут же рухнула на пол. Через секунду на пол упал и Гарри.

В это же время Джинни повернулась в сторону, наклонилась, и ее вырвало на пол, где вся эта масса, бурлила и пузырилась в течение нескольких секунд, а затем бесследно испарилась.

Джинни посмотрела на двух своих друзей, которые медленно поднимались с пола, и тихо сказала:

— Мне очень жаль, что я с вами так поступила. Я надеюсь, что вы когда-нибудь сможете меня простить.

Опустив голову и игнорируя ошеломленные взгляды взрослых, Джинни вернулась в свою кровать.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818752>